

«Общественная позиция»
(проект «ДАТ» № 06 (43) от 10 февраля 2010 г.

ДИАЛОГ

Канат БЕРЕНТАЕВ:
Нашу экономику
ОПРЕДЕЛЯЮТ ИНОСТРАННЫЕ
инвесторы

Вчера известный казахстанский экономист Канат Берентаев выступил в дискуссионном клубе «Айт Парк» и рассказал о многом. Что бедность приводит к деградации, объяснил, где взять дешевые кредиты и почему будет укрепляться тенге.

Сочувствующий российскому экономисту Михаилу Хазину, убежденный, что деньги исчерпали свое доверие, и мир требует серьезных преобразований, он также вполне обстоятельно может объяснить, что происходит в Казахстане, и знает, в отличие от многих, что со всем этим делать.

Для суверенитета нет потенциала

– Некоторые считают, что вступление в Таможенный Союз приведет к потере Казахстаном суверенности. На обывательском уровне говорят, что повысится стоимость автомобилей. Это все минусы. Есть ли плюсы в этом деле?

– Плюсов от вступления в Таможенный союз, безусловно, на порядок больше. Минусы касаются той продукции, которую Казахстан не производит.

Когда насчет минусов говорят, всегда есть противоречие. Пишут, что к нам хлынет дешевый российский товар, и наши производители не смогут с ним конкурировать, и тут же поясняют, что потребители теперь не смогут покупать более дешевый, чем российский, китайский товар, так как пошлины на импорт из третьих стран значительно повысятся. Получается, отечественные производители спокойно конкурировали с дешевым китайским товаром, а с российским, который дороже китайского, уже не могут.

Плюсы же в том, что унификация тарифов на перевозки грузов приведет к их снижению по отдельным товарам раза в два. Со временем будет решаться вопрос перемещения рабочей силы и образовательный процесс.

Главное преимущество – (я смотрел российские программы развития, и в них есть много направлений в рамках бывшего разделения труда) в том, что наши предприятия легко вписываются в начальную стадию этого разделения. И это возможность для бывших среднemashevских заводов вписаться в структуру трех стран, а, может быть, еще и Украины, в связи с результатами выборов.

А насчет того, что терять свой суверенитет... Сейчас произошли определенные эволюционные изменения. Самостоятельной экономической политики у нас давно нет. Она определяется Советом иностранных инвесторов. А правительство только выполняет их заказы. И говорить о суверенитете, по крайней мере, наивно.

Уходит понятие национального суверенитета, идет его переосмысление. В середине 50-х годов нынешнего века соответствовать этим требованиям будет не

более 5–6 стран. Это США, Бразилия, Индия, Китай, Россия. Остальные страны не имеют потенциала для этого.

Богатые и бедные

– Я хочу открыть собственный бизнес. Где можно взять дешевые кредиты?

– Сейчас в банках кредитная ставка около 20%. Часто экономическую успешность связывают с развитием малого и среднего бизнеса. На самом деле МСБ – это решение проблемы занятости населения, и особого значения в структуре экономики не имеет.

Реальное удешевление может произойти через выделение бюджетных кредитов под 2–3%, которые будут себе брать банки просто для того, чтобы их обслуживать. Об этом мы говорили еще в 1991 году, когда принималась программа «О предпринимательстве».

Такое возможно только при отказе от рыночных принципов. В рамках Совета экономических консультантов мы предлагаем выделить из Национального фонда деньги на поддержку реального сектора экономики, а не на отдельные банки и строительные компании, как это было сделано.

Что касается процентных ставок под 2 – 3% годовых, то нам заявляют, что дешевых денег не бывает. Но почему нет? Ведь, в конце концов, деньги Национального фонда – это деньги казахстанцев. И разве можно говорить о прибыли, когда речь идет о развитии экономики?

Когда президент выделил первые 4 млрд. тенге на поддержку строительного сектора, мы говорили о необходимости пересмотра управления Национальным фондом. Разделить механизм управления фондом, когда экономика в нормальном состоянии, и в период кризиса. Кроме стерилизационной и накопительной функции наделить НФ еще одной – инвестиционной.

– Почему не кредитуются МСБ?

– А их продукция востребована? В Казахстане очень низкий платежеспособный спрос населения. Если бы государство стимулировало рост благосостояния людей, то эта проблема была бы решена. Держинский в 26-м году что сделал? Дал деньги аграриям, и они смогли приобрести сельхозтехнику...

Существует разрыв между бедными и богатыми. Нужно усовершенствовать механизм перераспределения национальных богатств. Через прогрессивное налогообложение высоких доходов.

Сейчас президент в Послании называл показатель бедности в стране. Но на самом деле он в два-три раза выше. Мы должны реально измерять то, что происходит в стране, и вести соответствующую социальную политику. Нужно повышать качество жизни казахстанцев. Дело в том, что все это накапливается и ведет к социальной апатии. Человек становится искателем спокойствия, живя ниже уровня бедности, он доволен тем, что имеет работу. Человек превращается во что-то примитивное. Разрыв между богатыми и бедными и отсутствие социального лифта ведет к социальному взрыву. И смене режима.

– Как получилось, что Тимур Кулибаев, работая на вторых ролях, проработав 20 лет «на одном месте», заработал 2,1 млрд. долларов и одним из первых попал в Forbes? Ведь он работал не в частной компании, а в государственной?

– Приватизация – это интересная вещь. Насчет Кулибаева я не знаю. В то время не было оценки и все распределялось довольно оригинально. В то же время не было правового обеспечения этого процесса. Свою роль сыграл и менталитет.

Финансы поют романсы

– Марченко недавно говорил о каком-то валютном коридоре. Мне показалось, что это какой-то волюнтаризм. На каком основании он заявляет, что сегодня такой-то курс, завтра другой, есть ли расчеты? Может оказаться так, что я завтра проснусь, а доллар окажется 125 тенге. Есть здесь какая-то серьезная основа?

– Валютный коридор рассчитывается исходя из платежного баланса. Он зависит от цен на нефть и другие продукты. Если НБ закладывает определенный уровень цен, то можно сказать, какой дефицит платежного баланса у нас будет, и чтобы этот дефицит сгладить, необходимо валютный курс менять. То есть здесь есть основание.

Другое дело – асимметричность получилась. Цены на нефть не упадут. Но возможно, что будет рост цен на нефть в связи с подъемом экономики мира. И тогда произойдет укрепление тенге. Поэтому НБ делает коридор в сторону укрепления больше, чем в ослабление.

А регулировать валютный коридор волюнтаристски можно. Экономическую политику у нас определяют транснациональные компании (ТНК), и все зависит от них. Если нефтедобывающая компания почувствует, что цены их не устраивают, они могут девальвировать тенге.

– Они позвонят Марченко и скажут: «Опустите или поднимите»?

– Да, так и скажут.

– К вашим советам прислушиваются?

– Я член Совета экономических консультантов. Сейчас он реже собирается, а так – раз в 1,5 месяца. Сейчас он работает по отдельным проблемам.

Сказать, что прислушиваются, нельзя. Некоторые вещи проходят, но при реализации извращаются. Например, мы с коллегами поднимали вопрос арендного жилья в 2004 году, и сейчас это стало востребованным, но сами видите, как.

Или вот – идея системы стратегического планирования. Вроде бы ее приняли, но выбросили самую сердцевину – для чего нужно стратегическое планирование.

Иногда возникает ощущение, что эти люди в силу своего образования не совсем адекватно воспринимают то, что им предлагают другие экономисты. Это недостаток квалификации. Кроме того, у нас выпало среднее звено. Если раньше преемственность сохранялась, то в связи с рыночной трансформацией и наложением переноса столицы в Астану у нас в министерствах на уровне департаментов ведущие специалисты остались в Алматы, и эти люди, которые производили основную работу и знали тонкости, оказались невостребованными, а те, которых набрали, не получили практической школы. Получился управленческий разрыв.

– Президент сказал, что поднимутся с 1 апреля зарплаты бюджетникам.

Вы, как экономист, скажите, приведет ли это к реальному росту благосостояния народа?

– Вряд ли. У нас плохая практика идет – информация о повышении заработной платы и пенсий приводит к росту цен. Это рефлексивность нашего мышления. Это сказывается и на продавцах, и на всех остальных. Если бы избавиться от этой психологической проблемы, то могло бы быть реальное повышение благосостояния.

Нынешнее будущее повышение уже съелось повышением тарифов на ЖКХ, на пассажирские и грузовые перевозки железнодорожным транспортом и побочным ростом цен. Инфляционная составляющая съела эту надбавку.

– Недавно было селекторное совещание в правительстве, и там сидели все акимы. Там один замакима сказал, мол, «ШыгысЭнерго» нас шантажирует тем, что отключит электроэнергию, если население не

расплатится по своим долгам. И ему премьер-министр отвечает – мол, разберитесь там, потом доложите. Я бы на его месте стукнула по столу и сказала: «Сегодня спецрейсом вылетает прокуратура, антимонопольщики, и пусть разберутся с компанией! Еще не хватало, меня кто-то будет шантажировать!» Сорокаградусные морозы в Восточном Казахстане! Нужно срочно решать проблему! Что за беспомощность? Или это правильное решение: «Разобраться и доложить»?

– Это системный недостаток той модели, который у нас реализуется. Мы взяли рыночную экономику как образец. А электроэнергетика, теплоснабжение и городская инфраструктура, или даже тот же железнодорожный транспорт, не должны находиться в рыночной сфере. И критерием оценки таких жизнеобеспечивающих предприятий должна быть не прибыль, а обеспечение своей продукцией потребностей населения. Если бы мы эту модель реализовали, то не было бы проблем. Это государство должно было обеспечивать.

Цель каждого из этих предприятий состоит не в обеспечении населения продукцией, а в получении прибыли. А получение прибыли можно сделать только за счет повышения цен. Вот и получается шантаж – если вы не платите, то я не буду вам поставлять.

– Получается, что это вызов государству, обществу?

– Это называется извлечение прибыли из беды.

Записала

Шолпан ИСКАКОВА,

«D»